

А.В. СОКОЛОВ,

профессор Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов

Проблемы воспроизводства библиотечной интеллигенции

Последнее время преследуют меня три кошмара, три проявления глобального кризиса российской культуры в XXI веке: кризис библиотек, кризис интеллигенции и кризис библиотечной высшей школы. Начну по порядку.

Кризис библиотек. Не могу найти ответа на вопрос: кому нужны библиотеки в двадцать первом веке?

Читателям? Общеизвестно вытеснение книжно-журнальной коммуникации электронной коммуникацией и сокращение читательской аудитории вследствие научно-технического прогресса. Детские библиотеки превращаются в медиатеки, а научные давно уже не обходятся без обращения в Интернет. Интернет-ресурсы сделали необходимой составной частью библиотечного фонда, его, так сказать, дистанционным подфондом. Среди тинэйджеров трудно найти девушек и юношей, не умеющих пользоваться сотовым телефоном или компьютером, зато сколько угодно посещающих библиотеки один-два раза в год.

Государству? Последние федеральные законы, например, закон 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (сентябрь 2003 года) передает бывшие государственные массовые библиотеки в ведение бедных и невежественных органов местного самоуправления, на которые возлагается организация библиотечного обслуживания населения и комплектование библиотечных фондов муниципальных библиотек. Очевидно, что количество общедоступных сельских и районных библиотек будет сокращаться и прежде всего сойдут на нет детские библиотеки. Заступить за них некому, потому что в структуре нынешнего Министерства культуры ликвидирован отдел библиотек. Школьные библиотеки также не интересуют государственных чиновников: их судьбу решает администрация школы по собственному усмотрению. Несмотря на то, что они образуют самую многочисленную библиотечную сеть: насчитывается то ли 67, то ли 69 тысяч школьных библиотек, в штате Министерства образования и науки нет хотя бы одного куратора этой мощной сети. В итоге статус школьного библиотекаря затерялся где-то посередине

между педагогическим коллективом и техническим персоналом. Казалось бы, книгохранилищам федерального значения РГБ, РНБ, БАН, ВГБИЛ, ГПНТБ России, ничего не угрожает <...> Спасибо Президенту В.В. Путину, который в своих речах вспоминает библиотеки, но ведь совершенно ясно, что современная административно-бюрократическая власть и в центре, и на местах не нуждается в библиотеках как в опорных идеологических базах и рассматривает их как иждивенческое бремя. Сами же библиотеки не способны к коммерческой самоокупаемости в условиях рыночной экономики, поэтому их социальный престиж катастрофически падает.

Наконец, может быть, библиотеки нужны библиотечным работникам, патриотам библиотечного дела? Нынешний съезд школьных библиотекарей Российской Федерации показывает, что сотрудники школьных библиотек озабочены судьбой своих книгохранилищ и активно отстаивают их право на существование. Я не могу сказать этого о библиотеках других типов, а общественная активность Российской библиотечной ассоциации мало волнует библиотечные массы. Эти массы неотвратимо стареют, приток молодежи в библиотеки минимален, происходит депопуляция, вырождение библиотечной профессии, но руководители библиотек не проявляют беспокойства. Неужели в 2050 году в России останется одна Библиотека имени Б.Н. Ельцина, а осталь-

ные музефицируются или мумифицируются?

Библиотечный социальный институт предоставлен сам себе, ни помощи, ни защиты ждать неоткуда. Только библиотечная интеллигенция может стать гарантом его будущности. Наступает момент истины для духовной элиты библиотечного сообщества. Ученые и умные библиотечные интеллигенты должны определить, кому нужны библиотеки в двадцать первом веке, научить библиотекарей оценивать свои услуги в денежном эквиваленте, подсказать спасительные действия для библиотечно-библиографической практики.

2. Кризис интеллигенции. Я выразил надежду, что спасти библиотеки от летального исхода может только и исключительно библиотечная интеллигенция. Кто имеется в виду? *Библиотечная интеллигенция* — одна из групп гуманитарной профессиональной интеллигенции, призванная обеспечивать жизнеспособность библиотечного социального института в изменяющихся социально-культурных, политических, экономических условиях. Она представляет собой *творческую элиту* библиотечной профессии, состоящую из личностей, обладающих качеством интеллигентности. *Интеллигентность* — интегральное качество личности, объединяющее: образованность, в том числе профессионализм; креативность (способность к творчеству); альтруистическое чувство долга, в том числе профессионального; толерантность (отказ от насилия); благоговение перед культурой. Помимо интеллигенции, в библиотечном деле занята масса *профессиональных исполнителей*, репродуктивно выполняющих производственные операции в соответствии с технологиями и методиками, разработанными творческой элитой. Четкой грани между интеллигенцией и массой нет, они образуют профессиональный континуум, то есть непрерывную последовательность.

Библиотечная интеллигенция, естественно, является составной частью российской интеллигенции. К сожалению, часто можно услышать утверждения о кризисе, о конце интеллигенции в России. Чуткие социологи первые сообщили об этом. Например, один из лидеров нашей социологии Н.Е. Покровский в статье, многозначительно озаглавленной «Прощай, интеллигенция!», проследив драматическую биографию русской интеллигенции, провозглашает: «Волею исторического случая мы оказались свидетелями и участниками окончательного разрушения интеллигенции и ухода её с исторической арены. Вместе с интеллигенцией уходит и мир её идеалов. Ему нет места в новой климатичес-

кой ситуации»¹. Современный книгоиздатель-просветитель Дмитрий Буланин недавно опубликовал книгу «Эпилог к истории русской интеллигенции», где сетует, что «в тех сумерках цивилизации, куда погрузилась Россия, для интеллигенции нет места»². Академик Российской Академии образования А.В. Петровский ошеломил читающую публику сообщением, что интеллигенции в качестве реальной социально-психологической группы вообще никогда на Руси не существовало, что интеллигенция — это фантом, миф, результат недоразумения. Поэтому разговоры о конце русской интеллигенции беспредметны, так как хоронить-то некого³. Значит, на библиотечную интеллигенцию надеяться не приходится, потому что она такой же фантом, как русская интеллигенция вообще. Вывод, прямо скажу, убийственный.

Однако мне не хочется верить на слово социологам и академикам. Слишком часто они ошибались. Я провел собственное социально-психологическое исследование и обнаружил дифференциацию библиотекарей, учителей, искусствоведов, социальных работников и других представителей «интеллигентских» профессий на три группы: интеллигентов, интеллектуалов и промежуточную (маргинальную) группу. Интеллигенты и интеллектуалы обладают противоположным этическим самоопределением: интеллигенту свойственны альтруизм, толерантность, благоговение перед культурой; интеллектуалов отличают эгоизм, применение насилия по принципу «цель оправдывает средства»; потребительское отношение к культурным ценностям. Обнаруженным группам для удобства обработки материалов были присвоены псевдонимы: ЖАННА — активный интеллигент; КЛЕОПАТРА — активный интеллектуал; ПЕНЕЛОПА — пассивный маргинал⁴. Психодиагностическое тестирование показало, что в постсоветском студенчестве названные группы представлены в соотношении: ЖАННА — 20%; КЛЕОПАТРА — 50%; ПЕНЕЛОПА — 30%. В старших поколениях группа активных альтруистов увеличивается до 40–45%, а доля эгоистов снижается. Если тезис об «уходе русской интеллигенции» и «наступлении эры интеллектуалов» понимать как уменьшение группы ЖАННА и увеличение группы КЛЕОПАТРА, то наши данные подтвержда-

¹ Покровский Н.Е. Прощай, интеллигенция! // На перепутье (Новые вехи): Сб. статей. — М., 1999. — С. 50.

² Буланин Д.М. Эпилог к истории русской интеллигенции: Три юбилея. — СПб., 2005. — С. 14.

³ Петровский А.В. Интеллигенция при наличии отсутствия // Литературная газета. — 2005. — 19–25 октября.

⁴ Соколов А.В. Жанны, Пенелопы, Клеопатры в библиотеке завтрашнего дня // Библиотековедение. — 2002. — № 3. — С. 26–36.

ют эту тенденцию, но они вовсе не подтверждают «конец интеллигенции». Я считаю, что 20 — 25% активных носителей интеллигентности в составе поколения вполне достаточно для того, чтобы опровергнуть миф о конце русской интеллигенции вообще и библиотечной интеллигенции в частности. Более того, можно надеяться на увеличение интеллигентности в обществе, когда появятся соответствующие условия.

Небезынтересно узнать, что думают относительно судьбы русской интеллигенции библиотечные студенты? Мои опросы показали, что 20 — 25% студентов, подобно ученым социологам, предвидят конец интеллигенции, уход её с исторической арены, аргументируя свою точку зрения так: «Каждый заботится только о себе. Современных претендентов на звание интеллигентов нельзя считать продолжателями предыдущих поколений, они представляют собой, как выразился А.И. Солженицын, “образованщину“» (Г.Е.)⁵; «Интеллигентность как сплав умственной и нравственной культуры исчезла; вокруг засилье посредственности, бездарности, конформизма, корыстности» (Т.Б.); «Раньше нужно было быть общественно значимым человеком, примером для подражания, альтруистом, стремящимся сделать жизнь страны лучше, а теперь герой — это индивидуал, который поставил себе цель и добивается ее во что бы то ни стало. У нынешнего поколения есть ощущение личной свободы и желание прожить жизнь красиво, ярко, при этом не всегда правильно и полезно для окружающих» (Н.К.).

Сторонники второй точки зрения (их большинство — около 50%) отстаивают тезис «мы другие, но мы — интеллигенты». Они утверждают: «Наше поколение — это иная интеллигенция, мы отличаемся от предшествующих поколений. У нас иная система нравственных ценностей, мы мыслим иначе, у нас другая жизненная установка, мы действительно хотим достойно жить в нашей стране и при этом уважать её» (А.С.). Правда, большинство студентов смутно представляет, в чем заключается их «другая интеллигентность» и что значит «достойно жить в нашей стране». Около 30% студентов ощущают себя самостоятельными продолжателями отечественной интеллигентской традиции и не планируют пересмотр духовного наследия старших поколений. Характерны заявления: «В современном молодом поколении намного меньше интеллигентов, но благодаря преемственности поколений определенный слой интеллигенции будет оставаться всегда. Интеллигенция исчезнет только тогда,

когда исчезнет Россия» (А.С.); «Нужно уважать старших, стремиться к лучшему, развиваться внутренне и стараться, чтобы страна была более интеллигентной. А еще нужно призадуматься над вопросами: Зачем я живу? Что останется после меня? Какой вклад я внес в историю? Жизнь нужно прожить так, чтобы тебя вспоминали твои потомки хорошими словами» (Н.К.).

Прислушиваясь к замечательным словам последней группы, хотелось бы сделать оптимистический вывод, что библиотечная интеллигенция жива, что она станет спасителем деградирующих библиотек, завоеует уважительное признание со стороны государства, муниципальных властей и широких кругов читателей. Но совесть подсказывает мне другой вывод: библиотечные факультеты очного обучения (заочников оставим в стороне) готовят неплохие кадры интеллигентов и интеллектуалов XXI века; эти кадры могли бы стать прекрасным пополнением стареющей библиотечной интеллигенции, но они им не станут. В их жизненные планы не входит ни практическая, ни научно-исследовательская, ни педагогическая деятельность в библиотечном социальном институте.

3. Кризис библиотечного образования.

Источниками воспроизводства библиотечной профессии служат: во-первых, библиотечная высшая и средняя школа; во-вторых, профессиональная миграция специалистов разного профиля — педагогов, филологов, инженеров и др.; в-третьих, общеобразовательная школа. Не знаю, какова картина в настоящее время, но наше всесоюзное исследование состава библиотечной профессии в 1990 году показало следующую стратификацию: выпускники высшей библиотечной школы — 16%; выпускники средней библиотечной школы — 42%; специалисты небиблиотечного профиля — 20% (из них 13% с высшим образованием); работники со школьным аттестатом зрелости или без него — 22%. Выборочные оценки показали, что качество интеллигентности присуще примерно 12% библиотечных профессионалов, образующих *авангард* профессии. Кризис воспроизводства библиотечной интеллигенции заключается в истощении источников, питавших библиотечную систему интеллигентными личностями.

Главным источником традиционно была высшая библиотечная школа, вспомогательным источником — миграция специалистов из других профессиональных областей. Вспомогательный источник иссякает из-за социальной непривлекательности библиотечной системы; высшая библиотечная школа поневоле свертывает подготовку библиотекарей-библиографов, потому

⁵ У меня нет разрешения раскрывать авторство высказанных мнений, поэтому я указываю только инициалы.

что эта специальность не пользуется спросом у абитуриентов. В современной России библиотечная школа должна *перестать быть библиотечной*, чтобы сохраниться как образовательное учреждение. Поэтому библиотечные факультеты мимикрируют, называют себя «библиотечно-информационными», расширяют номенклатуру специальностей, используют другие средства привлечения молодежи. Руководство вузов культуры и искусств не заинтересовано в сохранении убыточных библиотечных специальностей; ректоры предпочитают развивать на коммерческой основе непрофильные специальности юристов, экономистов, пиарщиков. Студенты бывших библиотечных факультетов не внушают оптимизма.

Наши социологические опросы выпускников библиотечной школы (участвовали около 350 студентов очного обучения) показали, что им свойственны: 1) профессиональная дезориентация — надежда добиться успеха в тех областях, для которых их не готовили; более 70% планируют самореализоваться в частном секторе, 10% видят себя «свободными художниками», 15% готовы стать государственными служащими (в том числе 5% — библиотекарями-библиографами государственных библиотек); никто не упомянул о намерении работать в школьной библиотеке, что не удивительно; 2) весьма высокие притязания к материальному благосостоянию: загородные особняки, многокомнатные комфортабельные жилища, несколько автомобилей, роскошный отдых, короче — образ жизни европейца среднего класса или выше; 3) готовность к конкурентной борьбе, целеустремленность, упорство, высокие волевые качества; 4) креативность, хорошая начитанность и художественный вкус, у некоторых — на уровне элитарной культуры; 5) альтруистическая направленность и патриотические установки свойственны 20 — 25% студентов; эгоцентризм присущ 35 — 40%; остальные — пассивные личности, из которых около 5% — люди с пессимистическим мировоззрением.

Причина кризиса воспроизводства библиотечной интеллигенции ясна: низкий социальный статус библиотечного дела, объясняющийся его неприспособленностью к рыночной конкуренции. Библиотеки альтруистичны и гуманистичны, поэтому они бедны и беззащитны. Сделать их более благополучными может только библиотечная интеллигенция, которая плохо, совершенно недостаточно воспроизводится, потому что библиотеки непривлекательны для амбициозной и талантливой молодежи. Получается замкнутый круг: причина порождает следствие, а следствие — причину. Разорвать этот убийственно прочный круг способна только библиотечная школа,

усердно стремящаяся стать «небиблиотечной».

Какой «небиблиотечный» имидж ей к лицу? Ни юристов, ни экономистов, ни инженеров-информатиков, ни рекламщиков или пиарщиков библиотечно-информационные факультеты готовить не могут, потому что не располагают соответствующим профессорско-преподавательским составом. Их состав — один из отрядов библиотечной интеллигенции, умеющий воспроизводить библиотечную интеллигенцию. Трагедия в том, что эти умения нынче не востребуются. Нужно их **модернизировать**, нужно модернизировать бывшие библиотечные факультеты. Причем желательно, чтобы эта модернизация не девальвировала библиотечно-библиографические знания, а была бы дальнейшим развитием этих знаний.

Практически приемлемым решением задачи «модернизация без утраты культурного наследия» может служить выход за пределы библиотечного социального института на простор **документных коммуникаций**. Библиотечно-информационные факультеты (БИФ) в связи с этим я переименовал бы в **документно-информационные** факультеты (ДИФ). Библиотековедам и библиографоведам придется надеть мантии документоведов и документологов, и я не думаю, что это одеяние будет им совершенно не к лицу. Правда, придется научиться воспроизводить не библиотечную, а **документную интеллигенцию**, то есть специалистов широкого профиля, способных стать творческим авангардом не только в библиотечно-библиографической, но и в архивной, музейной, любой другой документо-коммуникационной сфере. Среди квалификаций бакалавров и магистров документной коммуникации обязательно должна быть квалификация «педагог по работе с детьми и юношеством».

Возможно, существуют другие пути благополучного разрешения кризиса библиотек и библиотечного образования, и нужно их отыскать как можно скорее, пока библиотечная интеллигенция не утратила творческие способности, пока не забылись традиции кафедр детской литературы и библиотечной работы с детьми. Всякий болезненный кризис кончается двояко: либо обновление и выздоровление, либо летальный исход. **Библиотеки нуждаются в срочном лечении, поскольку библиотечный кризис усугубляется. Нужен консилиум, нужен Всероссийский библиотечный съезд, посвященный осмыслению путей преодоления кризиса библиотек. Хотелось бы, чтобы список демократических форумов библиотекарей в первом десятилетии XXI века не ограничивался только съездом школьных библиотекарей.**